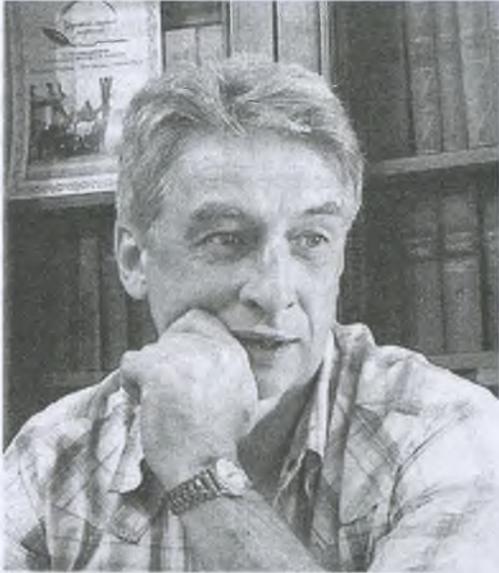

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

Фролов Андрей Владимирович родился в 1965 году в Орле. Автор шести книг стихотворений и рассказов. Публиковался в журналах «Наш современник», «Поэзия», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Сельская новь», «Форум», «Простор», «Славянин», «Десна», «Невский альманах», «Родная Ладога», «Огни Кузбасса», «Новый Енисейский литератор», «Литературный Омск», «Бийский вестник», «Аргамак», «Подъём», «Волга. XXI век», «Берега»; в газетах «Российский писатель», «Литературная газета», «Московская правда». Произведения включены в антологию современной литературы «Наше время», антологию «Русская поэзия. XXI век». Лауреат Всероссийских литературных премий «Вешние воды», «Белуха» имени Г.Д. Гребениčkова, Международной литературной премии имени Сергея Есенина. Награждён памятной медалью «М.Ю. Лермонтов. 1814-1841». Член Союза писателей России. Поэт, прозаик. Живёт в Орле.

МОИ КВАРТАЛЫ

МОНАСТЫРКА

Над покосившейся крышей
Серп незрелой луны.
С близкого берега слышен
Свист монастырской шпаны.

Лип разлохмаченных тени
Не достигают земли.
Отзвуки всеобщих бдений
Эхом тускнеют вдали.

В утреннем мороке гулком,
Будто бы впад в забытьё,
Шляется по переулкам
Зоркое детство моё.

СТАРЫЙ КВАРТАЛ

В центре города деревня
Притаилась и живёт:
Колченогие деревья
Подпирают небосвод;
Бродят куры меж домами,
Метко склёвывая мух;
Нарастая, как цунами,
Тополиный катит пух.
Заплутав в проулках древних,
Воскликает пешеход:
– В центре города деревня
Сохранилась и живёт!

ТУМАН НА ОКЕ

Неожиданно вальжен
И расплывчат, как намёк,
Не примериваясь даже,
По-хозяйски прочно лёг
На холодный камень пирса,
На сигнальные буйки...
Не понять: с небес спустился
Или всплыл со дна реки?

КОСТОМАРОВКА

Между городом и селом
Свой особый блюдет уклад.
Говорят, что идёт на слом, –
Тридцать лет уже говорят.

Но всё так же сады цветут,
Так же горло дерёт петух,
Тот же крепкий в домах уют
И ванильный на Пасху дух.

Всяко горе здесь не беда –
По-крестьянски народец прост,
Но усопших несут всегда
На большой городской погост.

ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА

Две берёзы,
Три ольхи –
Чем тебе не роща?
Городские петухи
Деревенских проще:
И встают не до зари,
И певцы – не очень.
Вяло козы –
Целых три! –
Бродят вдоль обочин.
Чёрно-белая коза
(Это наша Машка)

Пялит умные глаза
На многоэтажку.
Понимает: не вернуть
Сытой сельской доли,
И пытается боднуть
Почтальоншу Олю.

ВЕСЕННИЙ ПРИЛЁТ

Ещё не проснулись весёлые воды,
Но стал уже рыхлым коричневый лёд.
Дыханием птиц непонятной породы
Задёрнут, как шторой, седой небосвод.

Семейства, отряды смешались и машут
Единым, напористым, мощным крылом;
И сквозь облаков подгорелую кашу
В бесстрашном порыве идут напролом.

Захвачен всеобщим весенним движеньем,
Поняв, что покою бывает предел,
Мой город отпущен земным притяженьем –
Сорвался с фундаментов и полетел!..

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТНЕМ ДНЕ

Стояла вязкая жара.
На липах лопалась кора.
Мотоциклист, трамвай и дом
Висели в воздухе густом.

Инспектор бдительной ГАИ
Забыл инструкции свои,
И светофора мутный глаз
Мигал лениво, через раз.

У бочки с пивом гражданин,
Как разогретый пластилин,
Сползал в ботинки не спеша,
Над ним плыла его душа.

Листвой топорщился каштан,
Сочился ржавчиной фонтан...
А над фонтаном – вот дела –
Игриво радуга цвела.

ВОСПРИЯТИЕ УТРА

Еле светает, а я уже мчусь на работу
и улыбаюсь такому ж, как сам, идиоту –
каждое утро я бодро ему улыбаюсь,
возле облезлой чугунной ограды встречаясь.
Небо сырое висит в ожидании солнца,
кажется, свистни –

и вниз оно тотчас сорвется.

Сплющит в лепешку
своей многотонной громадой
мир,
окруженный ажурной чугунной оградой,
мир,
где людей не собаки кусают, а люди,
мир,
бесприютней которого нет и не будет...
Всё же я рад за себя и того идиота –
есть у нас общее:

есть у нас дом и работа,
краешек неба, где каждое утро восходы,
и обязательный минимум личной свободы.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Город толстым ватным слоём
Оглушила тишина.
Выползает небо злое
Из чердачного окна.

В атмосфере неприязни
И в нашлёпках рыхлых туч
Задышается и вязнет
Ослабевший солнца луч.

В поднебесном отдаленье
Кто-то свод рванул по шву,
И тревожное томленье
Натянуло тетиву...

* * *

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
Хотя не морозно ещё и не снежно,
Но в сумерках рыжих запуталось время,
Как спички, сгорев, почернели деревья.
А небо готово на землю свалиться,
И первыми это почувляли птицы
И, вскинувшись, высь надо мной раскачали.
И сердце застыло в предзимней печали...

ЗАРИСОВКА

Уснула на зиму Ока,
Перепопавшись лыжнёй.
Чернеет клякса рыбака,
Вооруженного пешнёй.

Заявкой робкой на успех –
Четыре льдинки-окунька.
Негромко вскрикивает снег,
Попав под тяжесть каблука.

ГРУЗОВАЯ

1. Утро

Дробный пробег трамвая,
Окон неяркий свет –
Улица Грузовая
Гнётся под грузом лет.

Улочки невеликой
Знатный абориген,
Батя скрипит калиткой,
Валенки до колен.
Заново узнавая,
Смотрит из-под руки:
Улица Грузовая,
Тусклые огоньки.

2. Вечер

Пахнет вареньем клубничным
И самоварным дымком.
В ярком трико заграничном
Вылез на свет уличком.

У доминошников ярых
Неиссякаем задор.
В местных, незлых, кулуарах
Бабки ведут разговор:

– Давеча было такое,
Даже не верю сама!..

Сделав зигзаг над рекою,
Сумерки лезут в дома.

3. Полночь

Улочка, наспех запорами клацая,
Бредит, ко сну отходя.
Пряный настой расплескала акация
После шального дождя.

Неподалеку проносом диспетчера
Сонно бормочет вокзал.
Стихло...
Стыдливо из Космоса вечного
Месяц рога показал.

Дедова липа над крышей сутулится,
Скрыв от напастей жильё...
Если бы этой не было улицы,
Я бы придумал её!

Брянская область, Трубчевск. 2015 год.